

**Формирование территории Российской империи
на польском направлении, особенности и закономерности:
дискуссионные вопросы в современной историографии**

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 560 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Формирование территории Российской империи на польском направлении, особенности и закономерности: дискуссионные вопросы в современной историографии // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 454–471. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2024.

Аннотация

Объективное исследование процессов формирования территории Российской империи за счет земель прекратившей свое существование в 1795 г. Речи Посполитой до сих пор остается актуальной историографической проблемой. Злободневность темы ярко продемонстрировала Е. М. Болтунова в своей монографии 2022 г., посвященной коронации Николая I в Варшаве 1829 г. и одновременно охватывающей целый ряд более широких аспектов польского вопроса в политике Петербурга. В книге отразились распространенные стереотипы, характерные для анализа приращения территории России в имперский период, в том числе изолированное рассмотрение западного и всех остальных направлений политики империи, а также раздельное толкование процессов разделов Речи Посполитой в XVIII в. и наследия военных кампаний первых десятилетий XIX столетия. Содержание монографии подчеркивает

необходимость выработки отвечающего современным исследовательским реалиям подхода к проблематике оформления территории Российской империи, в том числе учета такого важного обстоятельства, как рассмотрение территориальных приращений в рамках единого процесса, который можно проследить с геополитических перемен в результате Северной войны вплоть до правовых последствий заключительного акта Венского конгресса 1815 г.

Ключевые слова

Российская империя, формирование территории, Речь Посполитая, Царство Польское, историография, Е. М. Болтунова.

Вплоть до настоящего времени в статусе дискуссионных остается целый ряд проблем, связанных с трактовкой историками формирования государственной территории России имперского периода. Среди таких проблем важное место занимает оценка приращения Российской империи на польском направлении в XVIII–XIX вв. Современное состояние этих дискуссий неплохо прослеживается на примере увидевшей свет в 2022 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» монографии историка из НИУ ВШЭ Е. М. Болтуновой¹.

Оживление упомянутых выше дискуссий проявилось в историографии 2010-х гг. В 2016 г. известный специалист по российской истории XVIII столетия А. Б. Каменский справедливо отметил, что давно существует «сфера острого идейного противостояния тех, кто рассматривает процесс расширения Московского княжества, а затем и Российской империи в контексте естественной колонизации, обусловленной в первую очередь экономическими факторами, стремлением утвердиться на международной арене и обеспечить безопасность страны, и тех, кто характеризует этот процесс исключительно как проявление агрессии и экспансии. За небольшими исключениями первое направление представлено преимущественно российскими историками, а второе – зарубежными. Историческая наука, как известно, участвует в формировании массовых представлений о прошлом и одновременно является их отражением. В массовом же сознании россиян

¹ Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022.

своя политика всегда виделась в основном оборонительной и безусловно “справедливой”. Не случайно в нашей общественной мысли, воспринимавшей территориальное расширение России и ее военные победы как нечто “по умолчанию” позитивное, дискуссии по этой теме практически отсутствуют... По тем же причинам оказались мало изучены идеологические основания внешней политики России, идеи и представления, которыми руководствовались ее творцы. В полной мере это относится и к истории зарождения и формирования концепции “собираания русских земель”. Она не стала предметом специального исследования и воспринимается как исторический факт, не вызывающий сомнения»².

Менее же всего по давней традиции подвержен объективному исследованию в контексте формирования территории Российской империи вопрос присоединения к России по итогам международных договоров 1772, 1793, 1795 и 1815 гг. подавляющего большинства территории завершившей свое историческое бытование Речи Посполитой. До сих пор историки склонны раздельно рассматривать итоги трех разделов Речи Посполитой конца XVIII в. и решения, оформленные по итогам побед России в наполеоновских войнах заключительным актом Венского конгресса и обеспечившие приращение территории в виде Царства Польского со столицей в Варшаве. Историческая наука XIX – начала XX в. делала упор на идеологическую сторону разделов со стороны России, присоединение к империи этнически непольских, в основном восточнославянских земель, ранее отторженных западным соседом (известная формула «Отторженная возвратих»); но территориальные приобретения 1815 г. в эту формулу уже не вписывались. Советские историки, в том числе и в послевоенные десятилетия, когда появилась необходимость не выходить за жесткие идеологические рамки «польско-советской дружбы» в области истории, предполагавшие исключительный акцент на исследование «национально-освободительных движений» поляков и поиски проявлений «польско-российского революционного союза», редко обращались к проблематике разделов и были вынуждены в своих оценках учитывать категоричные мнения К. Маркса и Ф. Энгельса, возлагавших ответственность за катастрофу Речи Посполитой на Российскую империю и персонально на Екатерину II.

² *Каменский А. Б.* «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по россиеведению. Вып. 6. М., 2016. С. 224–225.

К 2000-м гг. историографическая ситуация изменилась в лучшую сторону; в частности, на богатых, в том числе рассекреченных, архивных материалах были изданы содержательные монографии П. В. Стегния и Б. В. Носова³. Но и до сих пор сохранились прежние стереотипы восприятия приращения территории России бывшими землями Речи Посполитой в канонах прежде всего «оккупации». В своей объемной, содержательной и в целом объективной статье 2016 г. А. Б. Каменский подробно доказывает главный тезис текста, опровергая традиционные еще со времени работы С. М. Соловьева «История падения Польши» трактовки процессов воссоединения восточнославянских земель под лозунгом «Отторженная возвратих» применительно к первому разделу Речи Посполитой в 1772 г.: «Представляется, что по крайней мере с 20-х годов XVIII в. и вплоть до 1792 г. идея собирания/возвращения русских земель как политическая доктрина была исключена из арсенала пропагандистских средств Российской империи и фактически предана забвению. Основанная на исторической мифологии и династических притязаниях, национально и религиозно мотивированная, она, вероятно, ощущалась как нечто архаичное, не соответствующее новому, “политическому” статусу России, правилам и нормам поведения на международной арене. Однако ее реанимировали к концу 1792 г. – сперва для внутреннего (“домашнего”) употребления: в качестве объяснения имперской политики. Осенью 1793 г. эта идея вошла в публичный дискурс»⁴.

В итоге с точки зрения А. Б. Каменского итоги первого раздела Речи Посполитой 1772 г. по сути сводились к «захвату чужих земель». Это фактически означает возвращение к трактовкам, которые содержатся в единственном и по сей день в отечественной историографии академическом многотомнике по истории Польши, первый том которого увидел свет в 1954 г. еще с цитатами из трудов И. В. Сталина. Авторы соответствующего раздела книги Г. Ю. Гербильский и И. С. Миллер оценили территориальные изменения 1772 г. весьма противоречиво: «Россия не получила по первому разделу ни пяди коренной польской земли. Для присоединенных ею латвийских и белорусских земель переход под власть России имел прогрессивное значение и должен оцениваться сам по себе совершенно

³ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002; *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

⁴ *Каменский А. Б.* «Отторженная возвратих». С. 258.

иначе, чем переход под власть Пруссии и Австрии польских и украинских земель. Нужно, однако, помнить, что лишь участие царизма в разделе Речи Посполитой сделало возможным для Пруссии и Австрии захват польских и украинских земель. Бессильная Речь Посполитая и ранее не могла бы оказать отпора захватчикам. Но ни инициатор раздела – Пруссия, ни Австрия не осмеливались захватывать территории, бывшие в составе Речи Посполитой, до тех пор, пока не получили на это санкции царского правительства. Царизм несет, таким образом, полную ответственность за начатый в 1772 году раздел Польского государства, за установление для польского и части украинского народа режима тяжелого национального угнетения»⁵.

Не менее противоречива и оценка в издании 1954 г. общих итогов всех трех разделов Речи Посполитой: «И по третьему разделу Россия не захватила ничего из этнографически польских земель... Разделы Речи Посполитой привели к воссоединению большинства украинских земель и к воссоединению всех белорусских земель в рамках Российской империи, что объективно соответствовало интересам украинского и белорусского народов. Объективно прогрессивным явлением и для литовского и для латышского народов было присоединение их к экономически более развитой, чем Речь Посполитая, России. Однако не интересами народов руководствовало правительство Екатерины II. Политика русского царизма была захватнической и преследовала контрреволюционные цели. Разделы Речи Посполитой и интервенция против французской революции реакционных режимов Пруссии, Австрии и России – это были звенья одной цепи. Разделы были реакционным актом. Неисчислимые страдания принесли они польскому народу»⁶.

Разумеется, в 2016 г. А. Б. Каменский не разделял давно ушедшие из лексикона специалистов стереотипные представления о «прогрессивном», «реакционном» и «контрреволюционных целях». Но мотив «захватнической политики» и из его современной трактовки не уходит; более того, на смену порицаемым историком мифологическим конструкциям фактически приходит новая умозрительная легенда. А. Б. Каменский полагает, что Екатерина II стыдилась содеянного в результате разделов Речи Посполитой: «Впитавшая принципы Просвещения и искренне верившая в них российская

5 История Польши. Т. I. М., 1954. С. 324.

6 Там же. С. 354.

императрица понимала, какова “нравственная сторона” случившегося. Осознавая несоответствие содеянного образу просвещенной монархини, над созданием которого она так долго трудилась, императрица, вероятно, испытывала душевный дискомфорт и укоры совести. Особенностью XVIII столетия было то, что тогда появилось общественное мнение, с которым монархам приходилось считаться. Формирующаяся под влиянием Просвещения общественная мораль противилась захватам чужих земель, общественное мнение больше не воспринимало их как нечто естественное и скорее осуждало, о чем свидетельствуют многочисленные карикатуры на разделы Польши (преимущественно английские). Там Екатерина предстала в особенно неприглядном виде⁷.

Характерно, что доказательств душевных терзаний императрицы известный специалист по екатерининской эпохе не приводит; не стоит исключать высокую вероятность того, что ни «душевного дискомфорта», ни «уколов совести» в реальной исторической действительности не было вовсе. Ведь никто не задается вопросом, испытывала ли Екатерина II муки совести на фоне территориальных приобретений своей империи, свершившихся по итогам проходивших практически одновременно с разделами Речи Посполитой победоносных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Историк, написавший о том, что монархиня стыдилась «покоренья Крыма» и взятия Измаила, будет тотчас же отвергнут историческим сообществом. В случае же с польским вопросом такие взгляды имеют распространение и по сей день.

Развернутым доказательством бытования подобных воззрений стали многие положения, высказанные на страницах монографии Е. М. Болтуновой. Рассмотренный в книге круг проблем гораздо шире, чем вынесенная в заглавие коронация Николая I польской короной в Варшаве в 1829 г. Заслуживают всяческого одобрения и грамотный выбор основной темы исследования, николаевской коронации, и кропотливые архивные изыскания, и попытки автора после кандидатской диссертации, посвященной гвардии Петра Великого как военной корпорации, глубоко погрузиться в подробности польского вопроса в первые три десятилетия XIX в. В итоге основная задача текста – всестороннее рассмотрение причин, хода и последствий единственной в истории варшавской коронации российского самодержца – выполнена весьма успешно.

⁷ Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». С. 253–254.

Если бы исследовательница на коронационных процессах сосредоточилась адресно и на том остановилась, ценность ее труда была бы существенно выше. Но авторское любопытство широко простирается в различные аспекты польского вопроса в политике Российской империи. Е. М. Болтунова пытается стать первопроходцем в научном изучении не только обстоятельств николаевской коронации. Характерен весьма радикальный вывод историка о предшествующей историографии русско-польских отношений первой трети XIX в.: «...анализ произошедших событий с позиции Польши изложен исключительно хорошо. Российский же взгляд на ту или иную ситуацию, напротив, в академических работах практически не представлен»⁸. Не стоит спешить с логичными возражениями насчет того, что якобы отсутствующий «российский взгляд» на самом деле основательно представлен во множестве трудов отечественных полонистов, в том числе и цитируемых в монографии, например, в обобщающем труде Института славяноведения РАН 2010 г. «Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830»⁹. Автору монографии специалисты по истории Польши представляются людьми, обреченными на оторванность от «широкой академической среды»: «В исследовательской литературе вторая коронация Николая I оказывалась предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах... Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам... именно им принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой теме... В целом для широкой академической среды коронация осталась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения»¹⁰.

Столь задиристый тон по отношению к коллегам, будь то полонисты или историки Российской империи, по идее должен сопровождаться глубокой осведомленностью автора и в польском, и в имперском аспектах заявленной проблематики. На деле же Е. М. Болтунова

8 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 26.

9 Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. М., 2010.

10 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 13–14.

довольно часто оказывается во власти мифологических конструкций – и давних, обретших форму устойчивых стереотипов, и совсем новых, порожденных собственным творчеством. К числу последних относится запоминающийся пронизательному читателю уже на первых страницах книги «Станислав Августовский Понятовский» и многократно упоминаемая именно в качестве «польской аристократки» супруга великого князя Константина Павловича княгиня Лович¹¹. Никаких доказательств аристократического происхождения Иоанны Грудзинской (1791–1831) автор не приводит, на самом деле она происходила из шляхетской семьи, никогда не относившейся к магнатскому сегменту польской дворянской иерархии. Ее дед по отцу Зыгмунт Грудзинский (1735–1804) лишь незадолго до ее рождения, в 1780 г., получил графский титул в Пруссии, после развода родителей в 1804 г. девочка осталась с матерью и отчимом, которым стал хундородный шляхтич Адам Бронец. Аристократкой Иоанна может быть формально объявлена лишь после получения титула княгини Лович при заключении морганатического брака с Константином Павловичем 12 (24) мая 1820 г.

Безусловно, мифологические конструкции авторства самой Е. М. Болтуновой могли быть устранены при грамотной редакционной работе, которой в свое время отличалось издательство «Новое литературное обозрение». Гораздо сложнее с устойчивыми стереотипами, затрагивающими в книге и авторское понимание процессов включения бывших территорий Речи Посполитой в состав Российской империи. Исследовательница делит «присоединение польских территорий» на два «раунда», хотя терминология из области бокса здесь вряд ли уместна. Известный стереотип об екатерининской «захватнической» политике изложен здесь так: «Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши... Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо осойбой в политическом отношении структуры»¹².

11 Там же. С. 12, 19, 50, 56.

12 Там же. С. 16.

Вызывает недоумение применение термина «аннексия» по отношению к территориальным приращениям Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой (их корректно именовать именно так, ибо, как хорошо известно, никаких «польских земель» с этнической точки зрения в 1772–1795 гг. не присоединялось). Устоявшиеся в юридической и исторической литературе определения не позволяют классифицировать именно как «аннексию» действия Екатерины II в период разделов. Так, «Большой юридический словарь» издания 2000 г. трактует аннексию как «насильственное присоединение государством всей территории другого государства или ее части в одностороннем порядке»¹³. Но ведь ни один из разделов Речи Посполитой не осуществлялся Россией или кем-либо другим в одностороннем порядке, разделы были коллективными геополитическими предприятиями. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 1890 г. определял аннексию уже, в традициях монархического мировоззрения, как «присоединение области или края к другому государству, не основанное на формальном акте отречения прежнего государя»¹⁴. Отречение короля Станислава Августа от престола 25 ноября 1795 г. стало именно таким «формальным актом», который не позволяет определить действия Пруссии, России и Австрии в 1772–1795 гг. как аннексию в понимании юридической науки XIX столетия.

Далее Е. М. Болтунова частично воспроизводит точку зрения А. Б. Каменского на различия в «проявлениях имперской радости»: «Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим великолепием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия... Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и ориенталистская модель деления мира на две неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий варварского Востока достаточно

¹³ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2000. С. 31.

¹⁴ Аннексия, аннектирование или аннексация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Iа. СПб., 1890. С. 808.

естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой¹⁵. Ментальная проблема, как представляется, была не у Екатерины II и ее подданных, она сформировалась у исследователей, не исключая и современных, склонных абсолютизировать западноцентричную картину мира.

Представляется, что более объективным будет рассмотрение территориальных приобретений Российской империи в конце XVIII в. как единого процесса. Расширение имперского пространства при этом могло иметь различные идеологические обоснования и «проявления имперской радости», могло и обходиться без таких разъяснений гуманитарного плана. Появление «идеи собирания / возвращения русских земель» лишь во время второго раздела Речи Посполитой 1793 г. никак не влияет на общий ход развития имперских тенденций во внешней политике России. И в целом формирование территории Российской империи, а в дальнейшем и СССР, с конца XVIII в. по середину XX столетия, на наш взгляд, перспективно рассматривать именно в качестве единого процесса.

И позднюю историю Речи Посполитой, о чем свидетельствуют и исследования видных польских историков, более плодотворно оценивать также с точки зрения единого процесса, развернувшегося с первых лет XVIII в. с началом Северной войны и продолжавшегося вплоть до окончательного упорядочения территории ушедшего в историю государства на Венском конгрессе в 1815 г. Известный польский историк Ежи Скворонек (1937–1996) справедливо писал в 1994 г.: «Разделы и падение Польши явились трагическим опровержением одного из “гениальных” принципов внешней политики шляхетской Речи Посполитой. Он гласил, что именно бессилие государства – основа и условие неограниченной демократии и свободы каждого его гражданина, одновременно служащее гарантией сохранения его существования, которое никому не угрожает... На деле вышло наоборот: именно бессилие польского государства подтолкнуло соседей к ликвидации Польши». И начиналось все не при Екатерине II, а как раз в петровскую эпоху: «Польская политическая элита, втянутая в борьбу за свои узкие эгоистические интересы, не сумела почувствовать грозных симптомов кризиса, явно заметных уже в начале XVIII века. Важнейшим из симптомов было «стремление Петра I ввести строгую опеку над Польшей, реализованную в 1717 году с согласия сейма

15 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 16–17.

в форме признания за Россией прав гаранта нерушимости политического устройства Речи Посполитой»¹⁶.

И современные польские специалисты именно начало XVIII в. и события Северной войны считают ключевой эпохой для процесса гибели государства¹⁷. 6 (17) февраля 1720 г. в Потсдаме был заключен важнейший союзный договор с Россией с Пруссией, под которым 24 февраля (6 марта) Петр Великий поставил свою подпись в Петербурге. Важнейшей в соглашении была вторая статья: «Оба Их Величества хотят ныне и впредь на то смотреть, дабы Речь Посполитая Польская при всех своих вольностях, основаниях и конституциях, ее правах и привилегиях всегда ненарушимо содержана была»¹⁸. Речь тут шла о том, что тянущие на дно польскую государственность ее внутренние конструктивные недостатки Россия и Пруссия отныне будут совместно сохранять.

Эта вторая статья потсдамского соглашения надолго пережила Петра I, она почти дословно повторялась в договорах с Пруссией 1726, 1729, 1730, 1740, 1743, 1764 гг. Усилиями русских дипломатов и за прусские деньги срывались важнейшие сеймы, способные реформировать увядающую Речь Посполитую. По мнению современного польского историка Уршули Косинской, «зерно, посеянное в 1720 г., дало урожай в 1772-м в лице первого раздела»¹⁹. Второй и третий разделы в 1793 и 1795 гг. выросли все из того же петровского зерна. Речь Посполитая окончила свое политическое бытие по заветам Петра Великого и вряд ли вследствие душевных терзаний Екатерины Великой.

И уж совершенно точно не тяготился угрызениями совести внук Екатерины II император Александр I, когда он добился на Венском конгрессе не только присоединения к России Царства Польского с Варшавой, а также международного признания территориальных приращений 1809 и 1812 гг. – Финляндии и Бессарабии, но и придания совершенным «при бабушке» разделам Речи Посполитой строгого соответствия именно тому, о чем писал в 2016 г. А. Б. Каменский,

¹⁶ *Сковронек Е.* Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // Родина. 1994. № 12. С. 36.

¹⁷ См., например: *Zielińska Z.* *My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory* // *Mówią wieki.* 2020. № 3. S. 58.

¹⁸ *Мартенс Ф. Ф.* *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. V. СПб., 1880. С. 199.

¹⁹ *Kosińska U.* *Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku* // *Mówią wieki.* 2020. № 3. S. 22.

а именно «политическому» статусу России, «правилам и нормам поведения на международной арене»²⁰.

Этим планам Александра I невольно содействовал Наполеон, вернувший себе в марте 1815 г. власть в Париже. Он обнаружил оставленный Людовиком XVIII экземпляр направленного против России секретного договора Англии, Австрии и Франции, подписанного 3 января того же года. Наполеон немедленно переслал эту бумагу Александру, после чего сговорчивость союзников царя по антинаполеоновской коалиции ускорилась почти стремительно. Прежние интриги растаяли, и 3 мая 1815 г. были оформлены договоры между Россией, Пруссией и Австрией, обозначившие новую конфигурацию разделов Польши. Примечательно, что 118-я статья заключительного акта от 9 июня 1815 г. прямо признавала законность именно этих соглашений, которые «должны быть почитаемы за неотдельные части общих постановлений Конгресса и везде будут иметь таковую же силу и действие, как если бы оные были от слова до слова внесены в сей главный трактат»²¹.

А это значит, что Александр I на Венском конгрессе помимо Царства Польского, Финляндии и Бессарабии достиг внешне незаметного, но очень крупного дипломатического успеха – обеспечил безусловную легитимность с точки зрения самого высокого уровня тогдашнего международного права присоединения к своей империи этнически польских земель, присоединенных к 1795 г. по трем разделам Польши. Этот пункт очень пригодился Российской империи во время двух польских восстаний XIX в., обеспечив невозможность дипломатической поддержки претензий поляков за пределами Царства Польского.

Примечательно, что в 560-страничной монографии Е. М. Болтуновой для важнейших итогов Венского конгресса и тем более для 118-й статьи его заключительного акта места не нашлось. Вместо этого исследовательница вслед за польской традицией транслирует стереотип о гипотетической возможности объединения Царства Польского с территориями, присоединенными в 1772–1795 гг.: «Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император

20 Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». С. 258.

21 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. 1815–1816. СПб., 1830. С. 176–177.

поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание»²².

В дальнейшем тексте какие-либо отсылки к конкретным фактам или обстоятельствам, прямо подтверждающим обещания Александра I, отсутствуют. И это не случайно: император действительно «поддерживал надежды», но лишь в неформальных беседах с поляками при своих посещениях Варшавы. Представляется, что отзыв юного Пушкина об Александре I как властителе «лукавом» здесь весьма справедлив.

В реалиях действующего законодательства и практики государственного управления автономное Царство Польское, именуемое в 1-й статье заключительного акта Венского конгресса «государством, имеющим состоять под особенным управлением»²³, рассматривалось Александром I как отдельный регион Российской империи в отличие от 62 процентов территории Речи Посполитой, полученных при Екатерине II по трем разделам Польши. Еще 1 (13) января 1813 г., сразу после изгнания Наполеона из пределов России, император строго указывал в письме князю Адаму Ежи Чарторыйскому: «Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь до сих пор считают себя провинциями русскими, и никакая логика не убедит Россию, чтобы они могли быть не под владычеством государя России, а под каким-либо иным»²⁴.

Именно эту логику Александр I воплотил в конституции Царства Польского 1815 г., в которой оказалась коварная 29-я статья, согласно которой «государственные должности гражданские и военные могут замещаться исключительно поляками»²⁵. Учитывая значительный вес непольских землевладельцев на территориях, присоединенных по итогам разделов Речи Посполитой, обещанное присоединение этнически непольских земель могло состояться только путем изменения конституции и неизбежного протеста по этому поводу самих поляков, что создавало в этом важном для верхов польского общества вопросе безвыходную для них ситуацию. «Сложный комплекс отношений» в реальности

22 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 17–18.

23 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. С. 146–147.

24 Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. II. М., 1913. С. 281.

25 Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 529.

существовал именно для польского общества, надежды которого, питаемые вполне в стиле тогдашней романтической эпохи, были несбыточны.

Александр I осознанно сконструировал ситуацию, при которой он никак не мог «решиться» на реализацию своих неформальных обещаний, но этого не понимали или не хотели понимать ни современники событий, ни позднейшие историки. Е. М. Болтунова в части этих обещаний транслирует высказанную еще в 1900 г. точку зрения известного русского историка Н. К. Шильдера (1842–1902)²⁶. Благонамеренный биограф Николая I с письмом Александра I А. Чарторыйскому знаком не был, александровскую политику в польском вопросе порицал, противопоставляя ей точку зрения Екатерины II на присоединенные при ней территории. Однако в доказательство «непреклонного намерения» самодержца расширить Царство Польское, «возвратив ему губернии империи, некогда входившие в состав Речи Посполитой», Шильдер приводит лишь «объединение в военном отношении», при котором великий князь Константин Павлович командовал одновременно армией Царства Польского и Литовским корпусом, а также то, что «Литва и западные губернии были негласно подчинены цесаревичу и в гражданском отношении»²⁷.

Константин Павлович после смерти Александра I и вступления на престол Николая I попытался лишь прозондировать почву насчет упомянутых обещаний старшего брата. Характерно, что об объединении бывших земель Речи Посполитой он пишет не напрямую государю, а в частном письме от 22 февраля (6 марта) 1826 г. своему бывшему адъютанту Ф. П. Опочинину с просьбой передать это мнение императору: «...все поляки одних мыслей, и... желание их есть общее соединение отошедших провинций, но чтобы предпринять какие для сего произвольные действия, они от сего далеки и никак не одобряют таковых намерений»²⁸.

В течение 1827 г. в переписке с Николаем I цесаревич, которому лично в той ситуации было выгодно подобное «общее соединение», стремился получить у младшего брата поддержку этой идеи. В позиции императора четко просматривается как аргументация Александра I из письма А. Чарторыйскому, так и абсолютные логичные выводы о несбыточности мечтаний поляков. Последние аттестуются

26 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 63–64, 328–330.

27 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 2. С. 294.

28 Там же. С. 290.

как «идеи, которые заведомо невозможно осуществить», «это вещь неосуществимая и которая могла бы повлечь за собою самые плачевные последствия»²⁹. Тема была окончательно закрыта 12 (24) ноября 1827 г., когда Николай I исчерпывающе отрицательно ответил на специальную записку Константина Павловича по литовскому вопросу: «Литва и пр. русская провинция; она не может возвратиться к Польше, потому что это бы значило посягать на целость территории империи»³⁰.

Здесь просматривается понимание Николаем I истинной позиции Александра I по вопросу о присоединенных к Российской империи в конце XVIII в. территориях бывшей Речи Посполитой. Эта позиция не подлежала изменениям ни вследствие «надежд поляков», ни вследствие властных амбиций Константина Павловича. Этот этап формирования имперской территории на западном направлении был закончен. Судьба же автономного и конституционного Царства Польского в составе Российской империи оставляла самодержавной власти перспективу их интеграции в случае «произвольных действий», которые и последовали уже вскоре в виде польского восстания 1830 г. и польско-русской войны 1831 г.

Таким образом, поставленные в работах последних лет, и в частности в монографии Е. М. Болтуновой, дискуссионные вопросы имеют хорошую историографическую перспективу, способную продвинуть вперед важные аспекты процесса формирования территории Российской империи на западном направлении.

Источники и литература

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2000. 704 с.

История Польши. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 584 с.

Каменский А. Б. «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по россиеведению. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 220–261.

29 Там же. С. 296, 298.

30 Там же. С. 301.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1880. 408 с.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 728 с.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. II. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. 362 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. 1815–1816. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1173 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. М.: Индрик, 2010. 584 с.

Сковронек Е. Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // Родина. 1994. № 12. С. 36–40.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 2. С. 277–306.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Iа. СПб.: Семёновская Типолитография И. А. Ефрона, 1890. 485 с.

Kosińska U. Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku // Mówią wieki. 2020. № 3. S. 20–22.

Zielińska Z. My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory // Mówią wieki. 2020. № 3. S. 58–62.

References

Bol'shoi iuridicheskii slovar', ed. by A. Ia. Sukhareva, V. E. Krutskikh. Moscow: INFRA-M, 2000, 704 p.

Boltunova, E. M. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voinakh XVII – nachala XIX v.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 560 p.

Istoriia Pol'shi. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, 584 p.

Kamenskiy, A. B. «Ottorzhennaia vozvratikh»: razdely Pol'shi i kontsepsiia sobiraniia russkikh zemel'." *Trudy po rossievedeniuu*, issue 6. Moscow: INION RAN, 2016, pp. 220–261.

Kosińska, U. "Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku." *Mówią wieki*, 2020, No 3, pp. 20–22.

Nosov, B. V. *Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* Moscow: Indrik, 2004, 728 p.

Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka: Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo: 1815–1830. Moscow: Indrik, 2010, 584 p.

Skovronek, E. “Udary s trekh storon. Razdely Pol'shi kak sostavnaia chast' evropeiskoi istorii (1772–1793–1795).” *Rodina*, 1994, No 12, pp. 36–40.

Stegnii, P. V. *Razdely Pol'shi i diplomatiia Ekateriny II: 1772, 1793, 1795.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2002, 696 p.

Zielińska, Z. “My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory.” *Mówią wieki*, 2020, No 3, pp. 58–62.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Yu. A. Borisyonok

**Formation of the territory of the Russian Empire
in the Polish direction, features and patterns:
controversial issues in modern historiography**

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. Formation of the territory of the Russian Empire in the Polish direction, features and patterns: controversial issues in modern historiography // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 454–471 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Received: 19.01.2024.

Abstract

An objective study of the processes of formation of the territory of the Russian Empire at the expense of the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which ceased to exist in 1795, still remains a pressing historiographical problem. The relevance of the topic was clearly demonstrated by Ye. M. Boltunova in her 2022 monograph, dedicated to the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and at the same time covering a number of broader aspects of the Polish question in the politics of St. Petersburg. The book reflected common stereotypes characteristic of the analysis of the expansion of Russian territory during the imperial

period, including an isolated consideration of the Western and all other directions of the empire's policy, as well as a separate interpretation of the processes of the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 18th century. and the legacy of military campaigns in the first decades of the 19th century. The content of the monograph emphasizes the need to develop an approach to the problems of registration of the territory of the Russian Empire that meets modern research realities, including taking into account territorial increments within the framework of a single process that can be traced from geopolitical changes, from the outcomes of the Great Northern War to the legal consequences of the final act Congress of Vienna 1815.

Keywords

Russian Empire, formation of territory, Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, historiography, Ye. M. Boltunova.